

рить далѣе Писаревъ, „клонились всегда сознательно или безсознательно, прямо или косвенно, всѣ усилія всѣхъ умныхъ и честныхъ людей, всѣхъ мыслителей и изобрѣтателей (стр. 6-я „Реалисты“). „Но къ сожалѣнію нервная система человѣка такъ устроена, что она не можетъ долго сосредоточивать свои силы на одной точкѣ... и, если мы будемъ долго вдумываться въ одну и ту же мысль, то умъ нашъ на нѣсколько времени откажется работать; если мы будемъ проводить эту мысль во всѣ наши поступки, то наконецъ, эта мысль начнетъ насъ тяготить, и мы почувствуемъ непреодолимую потребность отложить ее на время въ сторону и пожить хоть нѣсколько часовъ безцѣльной жизнью. У Рахметова эта потребность возникаетъ очень рѣдко и поэтому онъ стоитъ выше обыкновенныхъ людей, то есть можетъ въ теченіе своей жизни сдѣлать больше работы; а всякій согласится, что мы можемъ мѣрить умственные силы людей только количествомъ сдѣланной ими полезной работы. Рахметовъ можетъ обходиться безъ того, что называется личнымъ счастьемъ“, „Ставить такого тигана въ примѣръ читателю“, говоритъ Писаревъ, „совершенно бесполезно. Это все равно, что совѣтовать связать желѣзную кочергу въ узелъ или открыть кивкой нибудь міровой законъ, въ родѣ ньютоновскаго тяготѣнія или дарвиновской теории естественнаго выбора“ (стр. 6 и 7—, „Реалисты“). И тѣмъ не менѣе образцемъ намъ ставится именно Рахметовъ, ставится, слѣдовательно, образцемъ, и образцемъ-недосягаемымъ, такой челоуѣкъ, который для доставленія людямъ возможнаго благополучія, т. е. ради уменьшенія человѣческихъ страданій и увеличенія наслажденій, пренебрегаетъ собственнымъ благополучіемъ, отказывается отъ личнаго счастья, готовъ претерпѣть и страданія, лишь бы другіе не страдали и какъ можно больше наслаждались, готовъ голодать самъ, лишь-бы не голодали другіе, готовъ самъ отказаться отъ одежды, чтобы другіе не были раздѣты. И кто эти другіе, о которыхъ мы такъ должны заботиться? Этихъ другихъ мы не знаемъ и знать никогда не будемъ. И людей, такъ заботящихся о неизвѣстныхъ имъ другихъ, называютъ реалистами, полагающими въ основу своей дѣятельности *эгоизмъ*; эгоизмъ, впрочемъ, особаго рода, эгоизмъ *сознательный, глубоко-разсчетливый*, который, увѣряютъ насъ (стр. 65-я „Реалисты“), „совершенно совпадаетъ съ результатами самого сознательнаго челоуѣколюбія. Этотъ глубоко разсчетливый эгоизмъ и долженъ будго-бы побуждать насъ, ради благополучія проблематическихъ другихъ, не только отказаться отъ собственнаго благополучія, но не останавливаться даже предъ страданіями не собственными только, но и предъ страданіями, которыя мы причиняемъ нашимъ близкимъ, уже не проблематическимъ другимъ, а отцу—матери, какъ это въ отношеніяхъ Базарова къ его родителямъ. Базаровъ, какъ реалистъ,—по изображенію Писарева,—стремящійся уменьшить массу челоуѣческихъ страданій и увеличить массу челоуѣческихъ удовольствій, весь отдавшійся достиженію этой цѣли, пріѣхавъ послѣ долгой разлуки къ своимъ родителямъ, увидалъ, что имъ совершенно чужда и непонятна возобладавшая самимъ Базаровымъ идея. Надо думать, что, уѣхавъ отъ своихъ родителей еще юнымъ и возвратившись къ нимъ уже возмужалымъ, Базаровъ своихъ родителей не любилъ и не могъ отвѣчать имъ на ихъ любовь, которая въ разлукѣ съ сы-